

Да, сей костер, ты поджигали...»

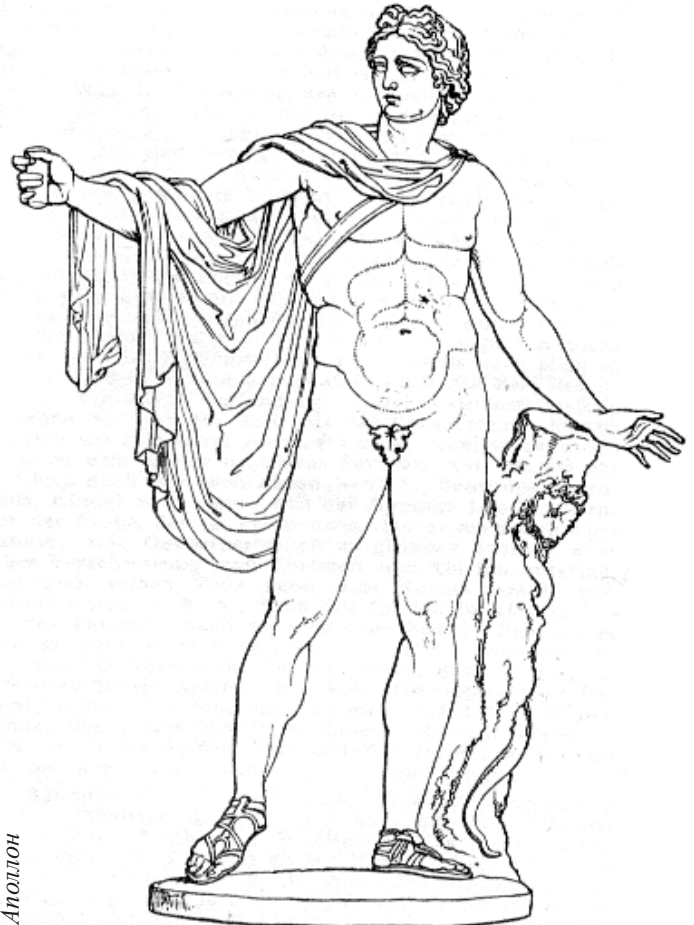
«Аполлонизм» Штефана Георге
и «дионисийство» Вячеслава Иванова

«Аполлонизм» и «дионисийство». К 1767 г. был завершен и издан труд Иоахима Винкельмана «История искусства древности», который впервые позволил беспристрастно, по-научному взглянуть на классическую (античную) культуру. Через 105 лет на свет появилась книга Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», благодаря которой винкельмановское понимание античной культуры как образцовой, приглаженной, прирученной перестало быть единственным.

Концепция Винкельмана, олимпийская («аполлоническая»), по сути, была дополнена архаической («дионисийской») составляющей. В противостоянии/взаимодействии с «дионисийским» «аполлоническое» стало заметнее и понятнее. Хотя большинство заметило лишь «явление» Диониса, другие вновь обратили внимание на «обновленного» Аполлона.

Согласно Ницше «аполлонизму» в противовес «дионисийству» свойственны пластичность (а не музыкальность), сознательность, сновидение (в противовес опьянению), солнечность, самоограничение (порядок, а не хаотичность), чувство меры (а не безграничность), спокойствие, неподвижность (в противовес движению) и т. д. Кроме того, «аполлонизм» характеризуется элитарностью, а не общностью (соборностью) свойственной как раз «дионисийству».

Первая и, возможно, единственная научная книга Ницше, после которой он перестал быть ученым-филологом и стал философом, повлияла не только на научный и литературный

миры, но и на мировоззрение всех культурных людей. Помимо прочего она оказала воздействие на зарождавшееся направление модернизма – символизм. Появившись во Франции, он получил также распространение в Российской и Германской империях. В этих государствах существовали давние традиции преклонения перед греческой культурой, поэтому и символизм в России и Германии имел «античную направленность».

Вообще модернизм (и символизм в частности) не просто вернул интерес к античности, он обратил внимание на архаику, противопоставив ее классике. Под влиянием духа времени историки и археологи, а также поэты и художники стали больше обращать внимание на неан-

Штефан Георге

тичные, местные, варварские явления. В Германии это усилило интерес к германцам и кельтам; в России к славянам, к скифам, к Древней Руси.

Георге и Иванов. В России ярчайшим представителем неоклассического направления символизма был Вячеслав Иванов, в Германии Штефан (Стефан) Георге (наст. имя Генрих Абелес). Оба поэта принадлежали одному поколению (Иванов на два года старше), оба были очень эрудированны и владели многими языками как, современными так и древними. Они относительно поздно стали печататься и стремились оказывать воздействие на молодых поэтов, расширяя свое влияние на литературу. Также их характеризует особое отношение к языку: Георге выработал особый язык для «своих» (особую пунктуацию, написание букв, даже особый шрифт); Иванов, считающийся вторым после Пушкина реформатором русского языка, питал особую любовь к арха-

измам (особенно из религиозной сферы) и, конечно же, к античным заимствованиям.

Оба поэта всю жизнь экспериментировали в духовной жизни: если Георге начал с католичества, то Иванов завершил им свой духовный поиск. Их отличает неприязнь к «Ветхому Завету» (как к иудейскому источнику в христианстве), замену которому они искали в религиях античности.

Также обоих сближают нетривиальное отношение к вопросам пола: Штефан Георге был гомосексуалом, Вячеслав Иванов практиковал популярный в российской символистской среде «тройственный брак». Они прошли через дружбу и, затем, размолвку с другими лидерами символизма: Штефан Георге с Гуго фон Гофмансталем, Вячеслав Иванов с Валерием Брюсовым. Оба любили путешествовать, подолгу жили в европейских столицах (Париже, Берлине).

Вячеслав Иванов знал о Штефане Георге и его круге, был одним из первых его переводчиков (стихотворение «Хозяин острова»). В предисловии к первой публикации фрагментов «Лиры Новалиса» в журнале «Аполлон» он отзывался о Георге как о великом мастере, вокруг которого как вокруг центрального светила, вращаются литературные сферы.

Не смотря на обилие общего, любовь к литературе и классической культуре, творческий путь и их влияние на жизнь видится различным, подчас противоположным. Почему?

Дело в том, что на Иванова и Георге колоссальное влияние имел Фридрих Ницше, особенно его книга «Рождение трагедии из духа музыки». Однако если русский символист предпочитал «дионисийское» направление, то немецкий – «аполлоническое».

«Дионисизм» Иванова ни у кого не вызывает сомнений: этому посвящены исследования, на это указывают и воспоминания современников. Дионису Иванов посвятил свой фундаментальный труд «Дионис и прадионисийство». В «аполлонизме» Георге так же не следует сомневаться (особенно в сравнении с «диони-

сиейством» Иванова): здесь и аскетизм в жизни, элитарность стихотворений и т. д.

Поэзию Георге отличает некоторая искусственность, проявляющаяся в вещности объектов стихотворчества – тексты посвящались кольцам, фибулам, коврам. Ландшафты в его стихах – это долины, окруженные горами; парки, ограниченные заборами. Стихи Иванова напротив характеризуются естественностью, обширностью и неограниченностью пространств.

Георге проявляет интерес к скульптуре (статуям посвящались стихи), наоборот, к театру и опере особого внимания не отмечено. Напротив, Иванов практически равнодушен к статичным элементам культуры, его интересуют движение, изменения (отсюда интерес к театральным представлениям).

Башня и круг. Новый виток античного ренессанса, последовавший за распространением символизма и ницшеанства, возродил моду на малые литературно - философские и научно - эстетические объединения, по образцу Пла-

Сомов. портрет Вячеслава Иванова.

Дионис

тоновской Академии или пифагорейцев. Во время своего пребывания во Франции Штефан Георге познакомился с одним из родоначальников символизма – Стефаном Малларме. Помимо своих стихов француз был знаменит тем, что собирал у себя по вторникам зрелых и молодых поэтов для учебы и обмена «искусством стихосложения». Вернувшись в Германию Георге решает устроить нечто подобное. Он постепенно собирает единомышленников – поэтов, художников, философов, историков и археологов. Кроме увлечения символистской поэзией их объединяют также и идеи мэтра: любовь к античной и средневековой культурам, воспринимаемым как образец, аристократичность, иерархичность и т. д. Это сообщество прозвали «кругом Георге». Сам мастер предпочитал говорить об обществе как о «тайной Германии», с ее специально разработанным языком, целями и задачами.

В России, вернувшийся из Европы Вячеслав Иванов устраивает у себя на квартире («в башне») на 6-м этаже (по адресу: ул. Таврическая

д. 35) собрания по средам для литературной и художественной богемы, оставившие след в истории русской культуры под названием «ивановские среды».

Эти два объединения оказали колоссальное влияние на культурную (литературную, художественную, театральную), научную (история античности и археология) и политическую жизнь.

Согласно заветам «аполлонизма», собрания Георге характеризуются церемониальностью, элитарностью, иерархичностью, спокойствием. На заседаниях Георге противопоставляет ясную античную классику современному, нездоровому, женственному искусству. Круг Георге – это фактически мужской союз⁹, так как, по его мнению, истинное искусство может быть создано лишь жрецами, объединившимися в своего рода гетерию аристократов духа. При этом особое внимание уделялось воспитанию подрастающего поколения по заветам Георге. Эти воспитанники и должны были претворять в жизнь замыслы мэтра. По мнению Штефана Георге, его ближайшие ученики – так называемые «столпы веры» - апостолы – Гундольф, Канторович, Вольтерс и другие, должны были организовывать свои общества и таким образом волнообразно распространять его идеи.

Собрания Иванова принципиально иные (сближает лишь псевдо античная церемониальность) похожие на дионисийские мистерии. Исходя из описания Бердяева, они представляли собой встречи, на которых обсуждали различные вопросы религии и поэзии, искусства и политики, нередко осуществлялись совместные алкогольные возлияния в духе античных (да и русских) мистерий. На них могли присут-

ствовать все желающие (так сказать в духе соборности, без какой-либо иерархичности). Вообще, театральность «ивановских сред» следует рассматривать как предтечу будущих советских и постсоветских любительских (заводских, фабричных и пр.) театральные постановки («в духе капустника»).

Влияния Иванова и Георге не ограничивались только литературными и художественными кругами, среди их единомышленников и учеников было много ученых историков (особенно, античников) и археологов¹⁰.

Новое возрождение. Вячеслав Иванов вместе со своим другом и коллегой Ф. Ф. Зелинским был одним из идеологов «славянского возрождения» (третьего после итальянского и германского). При этом особая роль отводилась христианству, преображенному дионисийством. Именно, в возрождении страдающего бога древнегреческих дионисийских мистерий Иванов видел предзнаменование воскресения распятого Христа. Свои идеи представители «славянского возрождения» черпали не только античности, но и в славянском язычестве. Влияние античных и славянофильских воззрений Вяч. Иванова чувствуется в произведениях многих писателей (например, С. М. Городецкого (сборники «Ярь» и «Перун»), А. Н. Толстого («За синими реками»)) и художников (например, Л. С. Бакста (картина «Terror Antiquus»)). Все же, именно, античная религия (в виде дионисийства) и была, по мнению Иванова истинным «Ветхим Заветом» христианства.

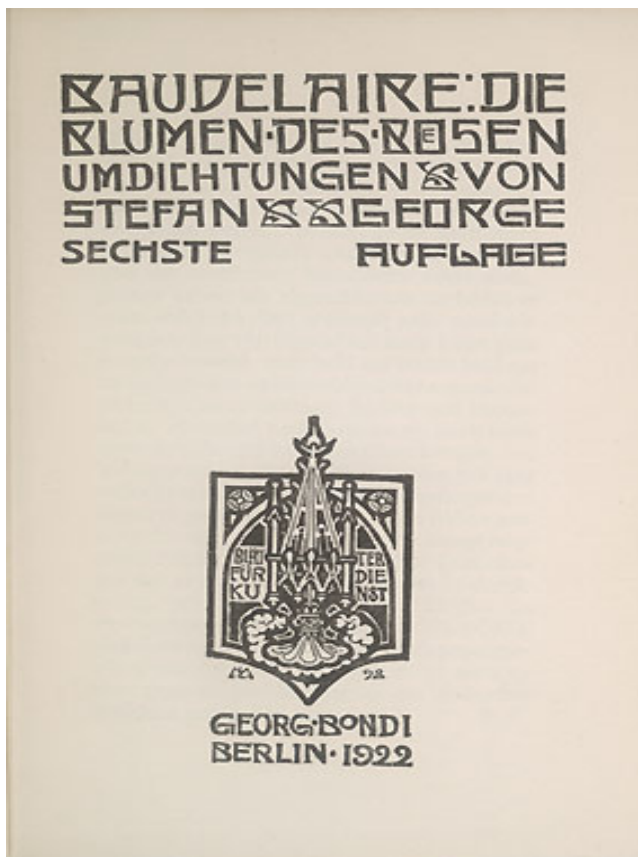
Похожим по происхождению, но все же иным виделся подлинный «Ветхий Завет» Штефану Георге. В начале XX в. он познакомился с че-

тырнадцатилетним юношей Максимилианом (Максимином) Кронбергером и объявил того гением и идеалом. Максимилиана воспитывали как будущего вождя, согласно заветам мэтра. Когда же юноша через некоторое время умер, то стал объектом поклонения для членов круга Георге. Ему было посвящено много стихотворений как самого мэтра, так и его последователей. Ситуация с «обожествлением» юного гения напоминает ситуацию с римским императором Адрианом и его фаворитом Антиноем. После смерти (возможно, жертвенного самоубийства для исцеления императора) Антиноя, он был обожествен, и ему поклонялись на территории всей Римской империи. Культ Антиноя был одним из главных конкурентов молодого христианства, во многом (как и митраизм) подготовившим его победное шествие, поскольку ритуалы были во многом схожи. Антиноянство как и дионисийство «подготовили почву» для внедрению христианства. «Канони-

зацией» Максимиана Георге сделал шаг в обратном направлении.

Отношение к революциям. После прихода к власти в России большевиков, а в Германии нацистов жизни Иванова и Георге изменились. Оба символиста не были в восторге от новых властей, но против активно не выступали, признавая, что подготовили почву для их прихода¹⁰. В 1933 г. Георге не принял из рук доктора Геббельса пост президента Прусской академии искусств и вскоре умер. Иванов поначалу работал в Наркомпросе и участвовал в реформе театра, но потом уехал в Баку, а затем в Рим.

Без сомнения «встречи в башне» сыграли важную роль в литературной, художественной и научной жизни русского серебряного века. Ренессансные интересы Иванова, безусловно, повлияли на творчество молодых и зрелых литераторов и художников в революционное время. То же самое можно сказать и о Штефане Георге, оставившим после своей смерти плеяду представителей духовной элиты: поэтов, критиков, философов и историков.

“Цветы Зла” Шарля Бодлера в переводе Штефана Георге 1922 год шестое издание.

Примечания:

1. Ницше Ф. «Рождение трагедии из духа музыки»// Собрание сочинений в 2-х томах. М., 1990 – с. 57-158.

2. Следует оговориться, что в дальнейшем термины «аполлонизм» и «дионисийство» будут употребляться в ницшеанском значении. Так как в историческом понимании часто бывает трудно отделить одного бога от другого (например, в изображениях (вазопись, фрески)).

3. Вообще, язык выработанный Георге для «своих» повлияет в дальнейшем на язык Третьего Райха (например, словами «мировоззрение», «фюрер» (вождь), «райх» (империя) характерными для пропаганды наци). См. Клемперер В. LTI: Язык третьего рейха. Записная книга филолога. М., 1998

4. Аполлон. 1910. № 7. с. 46. Вообще, схожесть Иванова и Георге отмечалась многими исследователями. См. например, Азадовский К. М. Две башни – два мифа (Штефан Георге и Вячеслав Иванов)

// Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. СПб., 2006 – с. 35-53

5. См. например, Муриков Г. Религия дионисийства. Заметки о творчестве Вяч. Иванова. www.proza.ru/2010/01/23/346

6. См. например, Бердяев Н. А. «Ивановские среды» // Мутные лики. М., 2004. – с. 123-127.

7. Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб., 2000. – 344с.

8. Пифагорейцы были не только тайным и ранненаучным обществом, но и партийным объединением, захватившим на некоторое время власть на небольших греческих территориях (в Южной Италии).

9. Женщин на заседания перестали допускать в 1910 году (до этого исключение допускалось лишь для жен участников).

10. См. например, Schefold K. Wirkungen Stefan Georges auf drei neuen wegen der klassischen archeologie // Castrum Peregrini. CLXXI – CLXXII. Amsterdam. MCMLXXXVI. p. 72-97. Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев и Вяч. И. Иванов // Скифский роман. М., 1997 – с. 248-259.

11. Иванов в стихотворении «Да, сей костер, мы поджигали...», адресованном Г. И. Чулкову; Георге по воспоминаниям современников в личных беседах.

Приложение

Попытка анализа «любовных» стихотворений Иванова («Ты-море») и Георге («Du schlank und rein wie eine flamme»).

Кратко проанализировав два стихотворения о взаимоотношениях, написанных Ивановым и Георге, я попробую показать различия в понимании любви. Отбросив всю эзотерику (а здесь ее не меньше чем в суфийской поэзии), рассмотрим их с профанной точки зрения как стихи об отношениях влюбленного к объекту любви.

Сравнение этих произведений оправдано не только их темой, но и характером сборников, в которых они были впервые напечатаны. «Ты-море» было опубликовано в сборнике «Прозрачность: 2-я кн. лирики» 1904 г., который был

наполнен предчувствием бунта 1905 г. В частности в этой книге было напечатано знаковое стихотворение «Кочевники красоты», предвещавшее русский бунт, сравнившее его с деяниями гуннов (а также скифов; эпиграмма «Пляшет скиф» была опубликована несколько ранее) и ставшее классикой литературного скифства.

Стихотворение «Du schlank und rein wie eine flamme» было опубликовано в 1928 г. в сборнике «Das Neue Reich» (полагаю, в переводе не нуждается), который содержал стихотворения о войне, фюрере, Рейхе, тайной Германии и т. д. Безусловно, эта книга не только характеризовала преднацистскую эпоху, но и сформировала почву для ее наступления.

Оба сборника были настолько своевременно политичны, что в качестве объектов любви могут быть рассмотрены Россия («соборный русский народ») и Германия (германская нация) соответственно. Хотя в данном случае не важно кто выступил объектом любви, значим сам характер отношений. Впрочем, отстранимся от

Дионис, греческая краснофигурная ваза

политики, а также истории и вернемся к теме любви.

Оба стихотворения показывают любовные взаимоотношения как взаимодействия героя с первоэлементами (водой и ветром (морем и штормом) в одном случае, и огнем и ветром (пламенем и воздухом) в другом).

Вячеслав Иванов

Ты — море. Лобъ твой напухаетъ,
Какъ вальъ крутой, и пепль огней
Съ высотъ грозящихъ отряхаетъ,
Какъ вальъ косматый, — пыль гребней.

И свѣтлыхъ глазъ темна мятежность
Вольнолюбивой глубиной,
И шеи непокорной нѣжность
Упругой клонится волной.

Ты вся — стремленье, трепеть страстный,
Пѣвучій плескъ, глубинный звонъ,
Восторга вихорь самовластный,
Порыва полоненный стонъ.

Вся волить глубь твоя незримо,
Вся бьетъ несмѣнно въ берегъ свой,
Однимъ всецѣлымъ умирима
И безусловной синевои.

Для «дионисийца» Иванова любимая – это море – дикая и необузданная стихия, которая своим постоянным действием фактически растворяет влюбленного. Он не может противостоять активности моря и как бы сам становится его частью. Более того, влюбленному автору нравится, что он из субъекта превращается в объект действия. Для стихотворения характерно практически неограниченное волевое движение, идущее из самой глубины.

Как Дионис, требующий от своих адептов тотального (до растворения) отождествления с ним; как море, поглощающее в пучину, тех, кто противодействует направлению ветра и течения, так и любовь (по Иванову) требует от влюбленного полного слияния с люби-

мой. Только через смешение (до потери границ) мужского и женского начал возможен шаг к андрогинности, открывающий путь к слиянию с божеством («к богочеловеку»).

Stefan George

Du schlank und rein wie eine flamme
Du wie der morgen zart und licht
Du bluehend reis vom edlen stamme
Du wie ein quell geheim und schlicht

Begleitest mich auf sonnigen matten
Umschauerst mich im abendrauch
Erleuchtest meinen weg im schatten
Du kuehler du heisser hauch

Du bist mein wunsch und mein gedanke
Ich atme dich mit jedem luft
Ich schluerfe dich mit jedem tranke
Ich kuesse dich mit jedem duft

Du bluehend reis vom edlen stamme
Du wie ein quell geheim und schlicht
Du bluehend reis vom edlen stamme
Du wie ein quell geheim und schlicht

[см. перевод в конце]

Совсем по-другому любовные отношения видятся Штефану Георге. Он ассоциирует объект любви с огнем (пламенем) и воздухом, а не с водой и ветром (морем и бурей). Их отношения по-аполлонически чинны и благородны. Влюбленный активен: он дышит и пьет любовь, тем самым, растворяя любимую в себе. Он не противостоит разрушительной силе огня, а как бы приручает ее, используя для жизни.

Для этого стихотворения характерно употребление светлых и жизненных слов (пламя, утро, солнце, побег цветущий и т. д.), в отличие от темных и декадентских (пепел, глубина, стон и т. д.) в стихотворении Иванова.

Вообще, активный мужественный герой Георге в сравнении с несколько пассивным женственным героем Иванова не подчиняет-

ся любимой (становясь частью андрогина), а подчиняет ее (становясь гипермаскулинным). Любовь – это власть одного над другим. Георге как бы сублимирует любовь в действие, в отличие от обратной ситуации у Иванова. Иванов ищет нисхождения (слияния), а Георге – восхождения (поглощения).

Несмотря на различия в отношениях Иванова и Георге к жизни, любви и пр., исходящих из предпочтений Диониса или Аполлона, их сближает сама попытка переосмысления и преодоления ницшеанства, а также эксперименты по сочетанию христианства и античного язычества. Ведь и андрогинный («богочеловеческий») путь Иванова и гипермаскулинный («сверхчеловеческий») путь Георге вели их к одной Цели. ■

Stefan George

Du schlank und rein wie eine flamme
Du wie der morgen zart und licht
Du bluehend reis vom edlen stamme
Du wie ein quell geheim und schlicht

Begleitest mich auf sonnigen matten
Umschauerst mich im abendrauch
Erleuchtest meinen weg im schatten
Du kuehler du heisser hauch

Du bist mein wunsch und mein gedanke
Ich atme dich mit jedem luft
Ich schluerfe dich mit jedem tranke
Ich kuesse dich mit jedem duft

Du bluehend reis vom edlen stamme
Du wie ein quell geheim und schlicht
Du bluehend reis vom edlen stamme
Du wie ein quell geheim und schlicht

Перевод А. Таташева:

Ты стройная и чистая как пламя
Как утро ты нежна светла
Источник незаметный тайный
Побег цветущий благородного ствола

На солнечных лугах меня сопровождаешь
Меня приводишь в дрожь по вечерам
Мой путь в тени ты освещаешь
Прохлада ветра ты дыханья жар

Тебя целую с дуновеньем каждым
Моё желанье мысль моя
Я с воздухом тебя вдыхаю
И с каждым пью глотком тебя

Источник незаметный тайный
Побег цветущий благородного ствола
Ты стройная и чистая как пламя
Как утро ты нежна светла